

действия с великокняжеской властью сложно определить на основе письменных и археологических источников. Однако при сопоставлении синхронных и во многом схожих гнёздовских и киевских материалов мы не сможем найти в последних признаков особого столичного статуса вплоть до начала XI в. Богатство и разнообразие находок из Верхнего Поднепровья во многом определяется относительно хорошей сохранностью некрополя и поселения, и тем не менее масштабы памятников и коллекций на данном уровне исследований свидетельствуют скорее о достаточно независимых правителях Гнёздова²⁵.

Вероятно, в Гнёздове на протяжении X в. правили «архонты»/«князья»/«бояре», известные по русско-греческим договорам и сообщениям Константина Багрянородного. В последней главе монографии П.С. Стефанович извлекает из хорошо известных источников новую ценную информацию и приводит убедительные доказательства существования локальных правителей, посылавших своих представителей в Византию для заключения договоров. Находки византийский печатей, свидетельствующих о прямых контактах с официальными представителями империи, известны не только в Киеве, но и на Рюриковом городище, в Шестовицах и Гнёздове²⁶. Оценивая степень независимости локальных правителей, автор полагает, что они признавали верховную власть киевского князя, но не входили в его дружину и не составляли один род с Рюриковичами. Судя по тому, что «архонты» составляли высшую страту Руси на протяжении одного столетия и в этот период их число не оставалось неизменным, контроль над людьми и территориями не был стабильным, а династии находились у власти непродолжительный период вплоть до изменения структуры государства в начале XI в.

Выводы, сформулированные Стефановичем в монографии, представляют огромный интерес для всех исследователей, вовлечённых в изучение древнерусской истории. Ему удалось проследить динамику изменений в структуре элит на протяжении X–XI столетий. Отказ от «киевцентричного» понимания структуры власти на ранних её этапах открывает новые возможности для интерпретации ключевых археологических памятников, сыгравших важную роль в процессе формирования государства.

Александр Мусин: Отроки и бояре между фактом и артефактом

«Сущность чистой науки заключается только в том, чтобы поставить гипотезу и заменить её другой, более совершенной, если на то есть основания²⁷», тогда как ценность любого знания, прежде всего нового, надлежит измерять изначальной решимостью пожертвовать им во имя грядущего опровержения²⁸. Основания для нового взгляда на древнерусское общество, различающего в его составе самостоятельную элиту, которая состояла из воинов и знати и не была поглощена ни княжым правом, ни общинным обычаем, сложились уже давно. Их как минимум три. Прежде всего, раннее русское средневековье не

²⁵ Енисова Н.В., Пушкина Т.А. Находки византийского происхождения из раннегородского центра Гнёздова в свете контактов между Русью и Константинополем в X в. // Сугдейский сборник. Вып. V. Киев, 2012. С. 45–48.

²⁶ Там же.

²⁷ Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., 1990. С. 413.

²⁸ Bloch M. Apologie pour l'histoire ou métier d'historien. Éd. 2. P., 1952. P. 40. Ср.: Блок М. Апология истории. М., 2003. С. 52.

могло не быть причастным к закономерностям, общим для различных регионов Европы. Привычная для отечественной науки историографическая «статика» резко контрастирует с динамичными возможностями новых подходов, которые плодотворно проявили себя в других академических школах. И наконец, жизнь письменного памятника, «мир циркулирующих высказываний, переходящих друг в друга и друг на друге паразитирующих»²⁹, уже не оставляет сомнений в том, что слова летописи не только открывают перед нами прошлое, но и скрывают его завесой смыслов, до конца понятных лишь летописцу. Работа историка всё больше напоминает труд археолога. Здесь приходится не только различать культурные слои, накопившиеся в текстах и терминах, но и преодолевать трудности преобразования древних слов в социальные категории по аналогии со сложностями перевода археологической информации в историческое знание.

П.С. Стефанович предложил «более совершенную гипотезу» об устройстве общества на Руси. В основе её лежит фундаментальный анализ отечественной и зарубежной историографии о знати и дружине. Такая историографическая панорама создаёт своего рода «дорожную карту» перспективных интерпретаций и тупиковых направлений исследования, способствуя верификации полученных выводов. Гипотеза эта построена на системном и во многом исчерпывающем анализе летописных слов и выражений с, казалось бы, раз и навсегда устоявшимся значением. Здесь исследователь следует путём своих коллег – В.Д. Назарова, С.В. Завадской, Б.Н. Флори, Т.Л. Вилкул, П.В. Лукина³⁰ и др. В результате «лингвистического поворота» к древнему слову автор формирует свой научный подход – «контекстно-терминологический», который противостоит как «нарративному» деконструктивизму, так и лингво-текстологическому анализу, зачастую оторванному от исторических реалий. Те же, кто считал княжескую дружину с боярами во главе стержнем древнерусской государственности, очевидно, продолжают полагать подобным образом. Именно так будут и впредь толковаться летописные выражения, в которых князь «любит» дружину, «созывает» и «совокупляет» её, «думает» вместе с ней. Тому причиной – «окамененное нечувствие» к оттенкам исторических слов, ставших частью историографической традиции. Привычные с детства строки Пушкина о том, как «князь Игорь и Ольга на холме сидят», а «дружина пирует у берега», и «кудри их белы как утренний снег над славной главою кургана», закреплённые в сознании образами В. Васнецова³¹, оказываются дороже «низкой истины» истории.

---

²⁹ *Либер де А.* Средневековое мышление. М., 2004. С. 37.

³⁰ *Назаров В.Д.* «Двор» и «дворяне» по данным Новгородского и Северо-Восточного летописания // Восточная Европа в древности и средневековье: Сборник статей. М., 1978. С. 104–123; *он же.* «Дворянин» в актах и грамотах Северо-Восточной Руси и Новгорода XIV–XV вв. // *Russian history / Histoire russe.* 2007. Vol. 34. С. 131–147; *Завадская С.В.* «Болярин» – «боярин» в древнерусских письменных источниках // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1985 год / Под ред. А.П. Новосельцева. М., 1986. С. 89–94; *Флора Б.Н.* Правитель и знать в древнерусском летописании XII века // Средневековая Русь. Вып. 8. М., 2009. С. 64–84; *Вилкул Т.Л.* Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв. М., 2009; *она же.* «От мала и до велика»: К происхождению книжной формулы // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время): Сборник статей памяти акад. Л.В. Черепнина. М., 2010. С. 354–359; *Лукин П.В.* «Старць» или «старшие»? О терминологии славянской «племенной знати» // Славяноведение. 2010. № 2. С. 12–30.

³¹ Этот образ получил неожиданное, но вполне обоснованное развитие в эссе М. Мюллера-Вилле: *Milller-Wille M.* «...Wie morgendlicher Schnee auf der ruhmvollen Kuppel eines Kurgans...» // *Offa.* 69/70: Von Sylt bis Kastanas. Festschrift für Helmut Johannes Kroll. 2012/2013. S. 389–401.

Коротко содержание труда Стефановича можно изложить так. Дружина не была основой государства, а бояре не были подданными князя. Элита Древней Руси состояла из трёх частей. Профессиональные воины на княжеской службе именовались «гридьё» и «отроками». Знать, именовавшаяся боярами, могла жить независимыми от князя интересами. «Нарочитые мужи» – горожане – именовались купцами и гостями. Городской образ жизни объединял бояр и купцов, но не стирал различий между ними.

Автору удаётся убедить читателя, что слово «дружина» в древних памятниках носит неопределённый характер. Эта совокупность людей, близких к князю, не управляла государством, хотя её представители могли участвовать в государственном суде. Понятие «дружина» вообще не адекватно для описания социально-политической реальности X–XII вв., поскольку система власти предстает более сложной, чем «дружественные» отношения. Однако чем же в таком случае объясняется популярность этого термина в истории и у историков? Представляется, что хоть дружина и не была *terminus technicus* русского средневековья и его политической реалией, она составляла реалию повседневной жизни. В попытке понять Древнюю Русь мы имеем дело не с «дружинной эпохой», а с «эпохой дружин», когда каждый представитель знати руководил своей «дружиной-чадьё», основанной на привязанностях и на связях.

Именно так стоит понимать и устоявшийся в археологической литературе набор понятий «дружинная культура», «дружинные древности», «дружинные курганы». Автор пытается объяснить употребление термина «дружинный» условиями идеологического давления на историческую науку в СССР, когда он позволял избегать в археологическом контексте упоминаний о феодализме. Однако знакомство с историей этого термина показывает, что он использовался как наследие «земской теории» XIX в. и соотносился с «дружинной эпохой» как периодом «общинной» государственности. В XX в. он стал синонимом полиэтничности высшего слоя Древней Руси, что позволяло избегать дискуссии о скандинавах в Восточной Европе. В целом же в археологии за этим термином никогда не стояли представления об исключительно княжеской дружине как аппарате раннефеодального государства. Речь шла о культуре различных вооружённых коллективов.

Похоже, именно из них и состояла Древняя Русь. Представляется, что с этим обилием дружин напрямую связан и процесс её изначальной территориально-политической организации, как она видится автору. Аналитическое сравнение словоупотребления в текстах русско-византийского договора 944 г. и информации книги *De Ceremoniis* императора Константина VII о приёме княгини Ольги в Константинополе позволило ему присоединиться к мнению М.С. Грушевского³², что 25 архонтов – князей и бояр, отправлявших своих посланцев в Византию в 940–950-х гг., представляли Русскую землю. Эта земля, как полагали ещё М.Д. Присёлков и А.В. Соловьёв, оказывается объединением «ярлов» «под рукою» киевского «конунга»³³. За этим утверждением – не просто отказ от киевоцентричного видения истории. Оно способно лечь в основу более

³² Грушевський М.С. Історія України-Руси. Т. 1. Київ, 1913. С. 424–426.

³³ Присёлков М.Д. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам // Учёные записки Ленинградского государственного университета. № 73 (1940). Серия исторических наук. Вып. 8. Л., 1941. С. 232–242; Soloviev A.V. L'organisation de l'État russe au Xe siècle // L'Europe aux IXe–XIe siècles: Aux origines des États nationaux / dir. par T. Manteuffel, A. Gieysztor. Varsovie, 1968. P. 250–255, 266–267.

объективного, «полицентричного» взгляда на Древнюю Русь, выраставшую из разнонаправленного движения вооружённых групп руссов, будь то внешняя экспансия или «кружения» полюдья³⁴. Это позволяет забыть об искусственной идее «русского каганата».

В своей книге автор обходит большую и сложную проблему происхождения руси как этнической группы, выражая сомнения в социальных коннотациях этого термина³⁵. Однако полисемия руси, объясняемая этносоциальным характером этой группы, обретает всё новые основания в исследованиях³⁶. Знакомство с книгой ещё раз убеждает, что вопросы социо- и политогенеза в Восточной Европе оказываются неотделимы от этногенетических процессов, в частности аккультурации скандинавов в славянской среде и взаимоотношения руси, скандинавов и славян, в контексте которых лишь и возможно продуктивное решение вопроса о социальной иерархии древнерусского общества.

Отметим также, что его структурирование происходило в контакте с соседними культурами Севера и Юга: если воины обозначаются скандинавским термином «гридь», то знать называется «боярами», словом, которое должно вести своё происхождение из Болгарии. Само же выделение киевского князя в отношениях Руси и Византии может быть понято не как результат естественной иерархии местных архонтов, а как искусственно навязанное требование греков, желавших иметь дело хоть с какой-то иерархией.

Эти вопросы заставляют нас вновь обратиться к территории руси. Автор, в целом принимая гипотезу Н.А. Насонова о границах Русской земли «в собственном смысле слова», справедливо отмечает, что в свете археологических данных на территории Среднего Поднепровья было достаточно локальных центров, собственно городов и «дружинных лагерей», которые можно связать с архонтами руси. Однако попытка отнести к ним Гнёздово как своеобразный

---

³⁴ Ср.: *Платонова Н.И.* Договоры Руси и Византии и социальные верхи русского общества X века (к постановке проблемы) // *Stratum plus*. 1999. № 5. С. 164–168; *Назаренко А.В.* Территориально-политическая структура Древней Руси в первой половине X в.: Киев и «внешняя Русь» Константина Багрянородного // *Сложение русской государственности в контексте ранне-средневековой истории Старого Света: Материалы международной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 г. в Государственном Эрмитаже*. СПб., 2009. С. 418–422; *Коновалова И.Г.* Два направления экспансии русов в контексте восточно-европейского политогенеза // *Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств: Материалы конференции*. М., 2012. С. 91–102; *она же*. Границы Руси IX – середины X в. // *Восточная Европа в древности и средневековье: Миграции, расселения, война как факторы политогенеза. 24 чтения памяти чл.-кор. РАН В.Т. Пашуто*, Москва, 18–20 апреля 2012 г.: Материалы конференции. М., 2012. С. 120–126.

³⁵ На эти темы он высказывается и в другом месте: *Стефанович П.С.* «Сказание о призвании варягов» или *Origo gentis rutorum?* // *Древнейшие государства на территории Восточной Европы: Материалы и исследования. 2010 г.: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства*. М., 2012. С. 513–582.

³⁶ *Мачинский Д.А.* Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси: период зарождения древнерусской народности // *Русский Север: проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики* / Под ред. Т.А. Бернштам, К.В. Чистова. Л., 1986. С. 3–29; *Курпичников А.И., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Русь и варяги: русско-скандинавские отношения домонгольского времени // *Славяне и скандинавы* / Под ред. Е.А. Мельниковой. М., 1987. С. 189–297; *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Название «русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–XI в.) // *Вопросы истории*. 1989. № 8. С. 24–38; *Musin A.* L'adieu aux mythes, ou quelques réflexions sur les voyages vers l'Orient et vers l'Occident a l'époque viking et aujourd'hui. Conclusions de la session russe // *Vers l'Orient et vers l'Occident: regards croisés sur dynamiques et les transferts culturels des Vikings à la Rous ancienne* / dir. par P. Bauduin, A. Musin. Caen, 2014. P. 423–434.

«экслав» вряд ли правомерна. Археологические материалы Гнёздова остаются неопубликованными, что исключает как цельное видение памятника, так и верификацию новых гипотез о его особой политической роли в сложении государства³⁷. Пока же исследование отдельных категорий древностей позволяет лишь говорить о Верхнем Поднепровье как своеобразном фильтре, отсеивавшем и трансформировавшем скандинавские культурные элементы на пути к собственно Русской земле³⁸. Всё это заставляет ещё раз задуматься, насколько русская идентичность была единой для разных регионов Восточной Европы, в частности для Галицко-Волынской *украины* и *волости* Новгородской³⁹.

С унификационными процессами в Древней Руси и ослаблением власти архонтов должно быть связано предложенное автором становление собственно княжеской военной организации в форме «большой дружины» (*velkodružina* Ф. Грауса) с её территориальным распространением, утверждением *juris ducalis* и внутренним делением на «градскую» и «служебную» организации. Похоже, данные о новгородской гридьбе XII в. соответствуют такой трансформации в немногочисленные «гвардии» *milites secundi ordinis*, размещённые по локальным центрам, такие, например, как Луки и Руса. В этой связи нельзя не обратить внимание на появление в провинции элементов культуры (захоронения с оружием, камерные погребения, подражания скандинавским украшениям), которые ранее были характерны для раннегородской среды⁴⁰. Возможно, их систематизация и анализ прояснят историю территориального княжеского войска. Очевидно, процесс такой трансформации мог происходить параллельно с распределением княжеских столов между Рюриковичами, как об этом косвенно свидетельствует судьба ростовского тысяцкого Георгия, сына киевского варяга Шимона⁴¹.

³⁷ Итог этим гипотезам подвёл П.П. Толочко, остроумно заметив: «Можно только позавидовать воображению авторов, сочинивших столь занимательный сюжет об ещё одной скандинавской княжеской династии на Руси, не имея для этого ни малейшего основания» (Толочко П.П. Ещё раз о начале Древнерусского государства // Міста Давньої Русі: Збірка наукових праць пам'яті А.В. Кузи. Київ, 2014. С. 12).

³⁸ Мусин А.Е. Скандинавское язычество на Востоке по данным археологии: общее и особенное // Российский археологический ежегодник. 2012. № 2. С. 572, 583, 585, 586.

³⁹ См., например: Волощук М.М. Галицкая идентичность в XII–XIII вв.: земельный, династический и этнический аспекты // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2010. № 1. С. 165–178.

⁴⁰ Алешковский М.Х. Курганы русских дружинников XI–XII вв. // Советская археология. 1960. № 1. С. 70–90; Лесман Ю.М. Скандинавский фактор архаичности древнерусской культуры // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша: Связующие пути и организующие центры. VI чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2002. С. 211–223; Седова М.В. Суздаль в X–XV веках. М., 1997. С. 77–96; Платонова Н.И. Камерные погребения XI – начала XII вв. в Новгородской земле (анализ погребального обряда) // Труды VI международного конгресса славянской археологии. Т. 4: Общество, экономика, культура и искусство славян / Под ред. В.В. Седова. М., 1998. С. 372–380; Ливох Р. Большие курганы летописного Плеснеска // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы международной научной конференции, посвящённой Г.Ф. Корзухиной / Под ред. А.А. Песковой, О.А. Щегловой, А.Е. Мусина. СПб., 2010. С. 486–492; Sobolev V.Yu. On the process of formation of Early Rus' burial culture in the Novgorod Land // Rome, Constantinople and newly-converted Europe. Archaeological and historical evidence / Ed. by M. Salamon, M. Wołoszyn, A.E. Musin et al. Vol. 1: U źródeł Europy Środkowo-wschodniej, Frühzeit Ostmitteleuropas 1. Kraków; Leipzig; Rzeszów, 2012. P. 751–766; Toropov S.E. Stray Finds of Scandinavian Origin and Viking Hoards in the Lake Il'men' Area near Novgorod the Great: Topography and Composition // Vers l'Orient et vers l'Occident... P. 257–279.

⁴¹ Молчанов А.А. История древнерусского боярства в генеалогических источниках (Ростово-суздальские и московские тысяцкие Шимоновичи-Протасьевичи в XI–XIV вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения: Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 18–12 апреля 1990 г. Тезисы докладов. М., 1990. С. 79–83.

В связи с эволюцией этого войска возникают два вопроса. Первый связан с соотношением корпуса профессиональных воинов и децимарной системы. В последнее время стало принятым считать, что сотские и десятские были связаны не с военной организацией, а с администрацией и хозяйством. Однако известная из летописи связь тысяцкого с «воеводством» и отроками в событиях 1015, 1089 и 1231 гг.⁴² заставляет вновь задуматься над такой возможностью. Второй вопрос касается возможных региональных названий и даже отличий княжеского войска, поскольку упоминания «гриди» известны преимущественно в Новгородской волости и во Владимиро-Суздальской земле.

Княжеские «отроки»-воины, по мнению Стефановича, составляли определённый противовес боярам, имевшим в распоряжении собственных «отроков». Сама же знать выделялась богатством, властью, престижем и собственными общественно-политическими интересами. Относительная независимость древнерусской знати существенно отличала её от «служебной» аристократии Московского государства, для которой близость к великому князю определяла социальную мобильность и доходы в ущерб общественной стратификации и солидарности.

Говоря о формировании древнерусской знати, автор делает акцент не на происхождении знатного человека, а на сочетании признаков, делавших его обладателем боярского статуса. Объясняет он это апелляцией к М. Блоку, скептически относившемуся к «идолу истоков». Представляется, однако, что автор несколько упрощает мысль мэтра. В действительности историк выступал лишь против подмены объяснения явления поиском его происхождений⁴³. Описание и понимание генезиса исторического феномена должно входить в число обязательств историка.

Так, автор убедительно свидетельствует, что «земская» знать, отличная от «княжеских бояр», в источниках не встречается. Но при этом он исходит из необязательного условия, что «местные» бояре должны были быть альтернативой элите, сложившейся вокруг князя. Представляется, что в рамках избранной автором концепции было бы уместнее не столько отрицать существование местной знати, сколько заново поставить вопрос о её участии в формировании вокруг князя консолидированного боярского слоя, происхождение которого уже в конце X–XI вв. стало неразличимо в источниках. В конце концов, племенная аристократия, существование которой является надрегиональной закономерностью и зафиксировано русскими летописями, могла конвертировать свой общественный статус в близость к княжеской власти.

Этот процесс мог происходить разными путями. Так, археология Северной земли указывает на перепланировку и смену типа культуры некоторых городищ в конце X – начале XI в., чему предшествуют слои разрушений. Однако другие памятники Роменско-Борщевской культуры могут свидетельствовать о неконфликтных взаимоотношениях местного населения и руси⁴⁴. Не исключено, что определённое направление исследованию судеб славянской знати

---

⁴² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 175 (далее – НПЛ); ПСРЛ. Т. 1 (Лаврентьевская летопись). Л., 1926. Стб. 208; Т. 2 (Ипатьевская летопись). СПб., 1908. Стб. 763–764.

⁴³ См.: Block M. Apologie pour l'histoire... P. 6.

⁴⁴ Комар А.В., Сухобоков О.В. Городище «Монастырище» и древнерусский Ромен: проблема преемственности // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради: Збірка наукових праць / Под ред. О.П. Моця, А.В. Петрускаса. Київ, 2004. С. 159–173.

может придать знакомство с англо-нормандской социально-политической моделью. Её особенность состоит в глобальной смене элиты местного общества в результате завоевания 1066 г. Однако брачные союзы представителей новой нормандской элиты и англо-саксонской аристократии⁴⁵, что уже было опробовано в процессе аккультурации скандинавов в Нормандии⁴⁶, а также выработка англо-саксами «стратегии поведения», связанной с замещением социальных ролей «второго плана», способствовали выживанию части старой знати⁴⁷. В этой связи вспоминается миниатюрное эссе Г.С. Лебедева о Бориче-славянинне, чьё имя стояло в самом конце перечня послов русско-византийского договора 944 г., но сохранилось в памяти о «Боричевом увозе» в Киеве, тогда как возглавлявшие список именитые скандинавы Вуефаст, Шихберн, Либиар и другие канули в вечность⁴⁸.

Столь же внимательно стоит пересмотреть и историю новгородского боярства, которому в книге уделено незаслуженно мало внимания. Автор полагает, что обсуждать происхождение местных бояр нет смысла, поскольку оно нам неизвестно, а в событиях гражданской войны 1015–1019 гг. они выступали в интересах князя. Напомню, что сегодня одной из основных гипотез является предположение о происхождении новгородского боярства от основавшей город племенной аристократии⁴⁹, хотя археологические материалы X в. редко свидетельствуют о связях жителей Новгорода со славянской округой, но подтверждают, что среди первопоселенцев 930–950-х гг. были скандинавы. Вместе с тем идеи автора о кристаллизации знати в процессе эволюции «большой дружины» и механизма сбора налогов хорошо согласуются с археологическими данными⁵⁰, доказывающими активное участие новгородской элиты в сборе княжеских доходов, что могло определить её будущую политическую и экономическую самостоятельность. Очевидно, изучение истории новгородской знати может оказаться ключевым для понимания этого процесса в общерусских масштабах.

В этой связи стоит вновь задаться вопросом о социальном положении связанных с Новгородом огнищан, в которых автор видит личных слуг князя. Спектр исследовательских мнений достаточно широк: это и «княжьи мужи»,

---

⁴⁵ Searle E. Women and the legitimization of succession at the Norman Conquest // *Anglo-Norman Studies*. 1980. Vol. 3. P. 159–170; *Houts van E.M.C. Memory and Gender in Medieval Europe 900–1200*. Basingstoke; L., 1999.

⁴⁶ Bauduin P. L'insertion des Normands dans le monde franc fin IXe – début Xe siècle: l'exemple des pratiques matrimoniales // *La progression des Vikings, des raids à la colonisation* / Éd. par A.-M. Flambard-Héricher. Cahiers du GRHIS, 14. Rouen, 2003. P. 105–117; *idem*. Chefs normands et élites franques fin IXe – début Xe siècle // *Les fondations scandinaves en Occident et les débuts du duché de Normandie. Actes du colloque de Cerisy-la-Salle, 25–26 septembre 2002* / Dir. par P. Bauduin. Caen, 2005. P. 181–194. Возможно, подобная ситуация имела место и в Новгороде: *Гунтуев А.А.* Скандинавский след в истории новгородского боярства // *The Slavization of the Russian North* / Ed. by J. Nuorluoto. Slavica Helsingiensia. 27. Helsinki, 2006. P. 93–109.

⁴⁷ Williams A. The English and the Norman Conquest. Woodbridge, 1995; Green J. The Aristocracy of Norman England. Cambridge, 1997; Thomas H.M. The English and the Normans. Ethnic Hostility, Assimilation, and Identity, 1066–c. 1220. Oxford, 2003; Garnett G. Conquered England. Kingship, Succession, and Tenure 1066–1166. Oxford, 2007; Bates D. The Normans and Empire. Oxford, 2013.

⁴⁸ Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. С. 566–567.

⁴⁹ Янин В.Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // *Новгородский исторический сборник*. 1982. № 1(11). С. 79–95.

⁵⁰ Янин В.Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. С. 31–65, 93–150.

и «остатки родовой аристократии»⁵¹, и просто бояре. Действительно, «Правда Русская» знает огнищан как лиц, связанных с княжеским хозяйством⁵². В силу однородности знати на Руси их привилегированное положение могло способствовать распространению этого социального термина на всех бояр. Однако каков механизм такого распространения? Разработанный автором подход может сработать и в этом случае. Упоминания огнищан вместе с гридьё и купцами в Новгородской первой летописи (НПЛ) приходится на 1166, 1195 и 1234 гг.⁵³, которые отмечают гипотетические этапы развития местного летописания, предложенные А.А. Гиппиусом. Это начало архиерейского «списка Германа Вояты 1167–1187 гг.», заказанного Юрьевым монастырём, его редакция неизвестным сводчиком, на основе чего был создан «первый Юрьевский свод», доведённый до 1195 г., а также конец первой кодикологической части Синодального списка НПЛ (л. 118), в пределах которой сохранился «второй Юрьевский свод» конца XIII в.⁵⁴ Случайно ли это совпадение? Возможно, текстологи и филологи ещё скажут здесь своё слово, но стоит вспомнить, что Юрьев монастырь был традиционно княжеским, что и могло повлиять на летописную терминологию, отражавшую «княжеский взгляд» на боярство и «социальную триаду».

В уточнении нуждается и ещё один момент авторской позиции. Это соотношение светской и церковной элиты древнерусского государства. Стефанович оставляет духовенство вне поля своего исследовательского зрения. Однако наличие «своего» духовенства в княжеском и боярском окружении («свой презвύτεр» кн. Ольги, «попин Янев», «свои попы» князя Олега Святославича, «свой лучший поп Еремей» кн. Мстислава Давыдовича, «городищенские попы»)⁵⁵, как и участие клириков в военных действиях (события 1193, 1234, 1343 гг., ответы Константинопольского собора 1272 г.)⁵⁶, предполагают не просто связь, но именно включённость клира в социальную и военную организацию древнерусской знати.

Это наблюдение свидетельствует о незавершённости социальной институализации элиты на Руси. Автор отмечает, что отношения правителя и знати строились на «внеинституциональной договорно-согласительной основе». Действительно, в истории большинства раннесредневековых государств Центральной и Восточной Европы, и Древняя Русь здесь не исключение, мы имеем дело с «неинституциональной» политией. Как вече не было жёстко ограничено рамками процедуры и регламента⁵⁷, так и дружина не представляла собой институт. Похоже, границы между нарождающимися сословиями были относительно прозрачными. Такая ситуация способствовала горизонтальной и вертикальной мобильности и не исключала в отдельных случаях перетекания

---

⁵¹ Мстиславский В.В. Огнищанин и князь муж, или следы быта древних славянских князей в Русской Правде // Чтения в обществе истории и древностей российских. Кн. 4. Отд. 1. 1860. С. 1–39.

⁵² Правда Русская. Т. 1. Тексты. М.; Л., 1940. С. 71–72, 80.

⁵³ НПЛ. С. 32, 42, 73, 219, 234, 283.

⁵⁴ Гиппиус А.А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. 1997. № 6. С. 22–24, 34–35, 65–67, 69–70.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 68, 176; НПЛ. С. 24, 209; Смоленские грамоты XIII–XIV вв. М., 1963. С. 20, 25, 30, 35, 40, 45; Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 13. № 3.

⁵⁶ НПЛ. С. 41, 74, 232–284; Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 12; Псковские летописи. Вып. II. М., 1955. С. 98; Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Памятники XI–XV вв. // Русская историческая библиотека. Т. 6. СПб., 1880. Стб. 138.

⁵⁷ Мусин А.Е. Церковь и горожане средневекового Пскова: историко-археологическое исследование. СПб., 2010. С. 312–316.

общественно-политических функций и привилегий от одной социальной группы к другой. Так, отроки кн. Владимира Мстиславича могли стать боярами⁵⁸. В то же время анализ материалов археологических раскопок в настоящее время не позволяет выработать надежные критерии для выявления в городской среде знати и купцов как самостоятельных социальных категорий. Точно так же находки оружия оказываются характерны для многих археологически известных дворов и усадеб вне зависимости от возможного социального статуса проживавших здесь лиц. Причастность к военному делу не была отличительной чертой средневековой гридьбы.

Вообще же выбранной автором теме тесно в назначенных для неё хронологических рамках, требуется использование в исследовании сведений о событиях и процессах XII–XIV вв. Однако ценность книги как раз и состоит в возможности приложения её выводов к конкретным исследовательским задачам древнерусской истории как ранних, так и более поздних периодов. Эта книга – большой справочник, методический ключ, набор *exemplae* с толкованиями. Её будущая судьба зависит от рецепции основной гипотезы молодым поколением историков, а это, в свою очередь, – от способности автора убедить своих единомышленников применить полученные им выводы «макроисторического» характера к «микрорегиональным» исследованиям, связанным с судьбой личности⁵⁹, рода, города или целой земли. Немаловажная роль принадлежит здесь вовлечению в исследование археологических источников. Однако для этого историку необходимо расширить круг чтения и изменить его методику. Непосредственная рецепция выводов археологической науки в исторических сочинениях оказывается наиболее продуктивной лишь в тех случаях, когда эти положения прошли апробацию в рамках интенсивной дискуссии, что позволило бы осознанно предпочесть ту или иную аргументированную интерпретацию памятников материальной культуры. Не исключено, впрочем, что археологи сами могут проявить интерес к конкретно-историческим исследованиям, преодолев синдром парадно-глянцевого издания к юбилею очередной летописной даты.

Антон Горский: О составе древнерусской дружины

Тема древнерусской элиты довольно редко становилась предметом специального исследования: как правило, её рассматривали в рамках работ по общественному строю в целом. При этом до сих пор никто из историков не ограничивал исследование, подобно П.С. Стефановичу, X–XI вв., в первую очередь потому, что по этому периоду сохранилось относительно мало сведений. В историографии советской эпохи утвердилось представление о древнерусской знати как крупных землевладельцах⁶⁰. Между тем ещё в начале XX в.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 536.

⁵⁹ Сам автор уже уделит внимание боярским карьерам и генеалогиям: *Стефанович П.С.* Князь и бояре: клятва верности и право отъезда // *Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С.* Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 148–269; *Стефанович П.С.* Знать и военные слуги в социально-политической структуре древнерусского государства в X – первой трети XII в. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2014. С. 38–40.

⁶⁰ См.: *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1953; *Юшков С.В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939; *Свердлов М.Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. Вразрез с этим представлением И.Я. Фроянов пришёл к выводу о древнерусской знати – боярстве – как «общинных лидерах» (См.: *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988).